Санни Дэй

Теодор Шницель женится

Санни Дэй
Теодор Шницель женится

https://litres.ru/74282837
SelfPub; 2026

Аннотация

«Один мой старый приятель, мопс по имени Теодор Шницель, как-то раз имел неосторожность влюбиться. Всё бы ничего, но, помимо неосторожности влюбиться, он имел ещё и глупость сделать девушке предложение», – так начинается рассказ о многострадальном Теодоре, волею рока связавшем свою жизнь с недостойной собачкой Мими. Сколько кругов ада предстоит ему пройти, а также почему слово «оборзела» как никакое другое подходит для характеристики поведения леди Шницель – рассказывать, конечно же, не буду, открывайте книгу и читайте сами.

Этот рассказ – ироничная пародия на современные реалии, но исполненная в декорациях викторианской эпохи. Он подойдёт тем, кому по душе гротеск, и тем, кто не воспринимает собачьи драмы слишком серьёзно. А если вам понравится (в чём все хвостатые герои ни капли не сомневаются), то имейте в виду, что в сборнике «Джентльпёсий клуб «Без поводка» имеются и другие рассказы, которые с нетерпением ждут вашего внимания.

Содержание

Предисловие 4
I 5
II 16
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Санни Дэй
Теодор Шницель женится

Предисловие

Автор этого рассказа считает нужным предупредить, что все шутки, адресованные внешности собак породы китайская хохлатая (как впрочем, и других пород, упоминающихся в рассказе), призваны высмеять лишь человеческие пороки. Сами по себе все собаки прекрасны и служат для автора источником неиссякаемого вдохновения.

I

– А теперь слушайте очень внимательно, мистер Сардельнингс… Что? Ах да, вы же поменяли фамилию! Мистер Дженнингс! – так начал свой рассказ мистер О'Рявк, бигль и одновременно с этим председатель джентльпёсьего клуба «Без поводка». – Итак, мистер Дженнингс, слушайте меня очень внимательно. Эта история поведает вам, а заодно и всем остальным джентльпсам, о том, к каким в высшей степени трагическим последствиям может привести такое, казалось бы, нехитрое дело, как женитьба. Ибо женитьба – это зло! Я утверждал это всю свою жизнь и не устану утверждать никогда! О, прошу вас, господа, если кому-нибудь из вас – или, не дай бог, всем вам – когда-нибудь, как и мистеру Сардель… то есть мистеру Дженнингсу, взбредёт в голову расстаться со своей безоблачной холостяцкой жизнью и отправиться в тюремное заточение, именуемое браком, – вспомните мой рассказ! Вспомните его, и пусть мысли ваши прояснятся, и вы ещё раз хорошенько подумаете: а нужна ли вам она – жена?

Мистер О'Рявк обвёл присутствовавших строгим взглядом: все собравшиеся здесь сегодня джентльпсы слушали и впрямь очень внимательно. Мистер Дженнингс – довольно приятной, весьма упитанной наружности такса, для которого этот назидательный рассказ и затевался, – даже переминался

с лапки на лапку. Видно было, как он нервничает.

– Итак, приступим.

Один мой старый приятель, мопс по имени Теодор Шницель, как-то раз имел неосторожность влюбиться. Всё бы ничего, но, помимо неосторожности влюбиться, он имел ещё и глупость сделать девушке предложение, на каковое она, разумеется, будучи далеко не дурой, тотчас же согласилась.

«Будучи далеко не дурой» – я сказал так, потому что какая же собака отказалась бы стать миссис Шницель, если, став миссис Шницель, она одновременно с самим мистером Шницелем получала и все земли, которыми владел его пребогатенький хозяин, и огромное поместье посреди этих земель. Да, и не забудьте ещё особняк в Лондоне, в самом респектабельном районе, в котором Теодор Шницель с хозяином проводили зимы.

Сама же избранница моего приятеля Теодора была, ну, скажем так, не богата. Не богата, да… Совсем не богата, если уж быть честным. Хотя зачем же скрывать и приукрашивать, говорю как есть: она была бедна, как разорившаяся нищенка, как захудалая босячка, как вылетевшая в трубу оборванка. Вот так! Но это, к сожалению, выяснилось позднее. А в тот момент, когда Теодор впервые увидал её, – кстати, нашу героиню зовут мадемуазель Мими, – она выглядела, как ему показалось, совершенно богато, даже роскошно, утонченно-аристократично и просто слапсшибательно.

Хозяйка Мими – последний листочек на обедневшей вет-

ви старинного французского рода, – мадам де Ла Моль – была вынуждена недавно переехать из восхитительного во всех отношениях Парижа в «эту английскую глухомань» и «к чёрту на рога», как она называла ту живописную деревушку, в которую каждое лето приезжал Теодор Шницель со своим хозяином, и которая отныне стала её новым домом.

Сама мадам де Ла Моль, как я уже сказал, была бедняжкой, однако гонор у неё был не меньше, чем у её блистательных предков – сплошь маркизов, баронов, шевалье всех сортов и пошибов, чистокровных герцогов, благороднейших графов… и так далее, и тому подобное. Да к тому же она была до крайности ленива и палец о палец не хотела ударить для того, чтобы поддерживать в своей жизни хоть какой-то порядок. Дом её был обставлен старинной мебелью, привезённой из родового поместья, но с потолка и со стен сыпалась штукатурка, а на полу клубилась пыль; окна обрамляли богатые шторы и тюли, но щеколды были сломаны, а на стёклах кое-где красовались трещины; обед ей подавали в серебряной посуде, с канделябрами и скатертью из тончайшего льна, но серебро потемнело, лён местами протёрся, а обед чаще всего состоял из морковки или горошка и пустой луковой похлёбки; на ногах мадам красовались изящные туфельки или ботиночки, платья и блузки украшали роскошные алансонские кружева, но чулки и носки были с дырками, платья обветшали, а сами кружева пожелтели от времени. Зато она важно вышагивала по комнатам или по улицам

«этой глухомани» и рассказывала всем, кто попадался ей на пути, как великолепно она жила раньше, да какими знатными были её предки, да как она танцевала на балах и «болтала о том о сём» с премьер-министром и премьер-министершей, когда те приглашали её домой на чашечку кофе с круассаном или с бриошью.

С мадам де Ла Моль жила только её собачка, вышеупомянутая Мими, и сиротка-служанка. Вторую она загоняла так, как не гоняла Золушку злая мачеха, а первую просто обожала. Второй она не платила жалованье вот уже года полтора-два, обрекая бедную девушку на частые голодовки, а первой отдавала все лакомые кусочки, которые ей удавалось раздобыть, нередко при этом влезая в долги и наживая себе врагов среди местных лавочников. Вторую ей пришлось взять к себе ещё маленькой девочкой, потому как, не возьми тогда мадам сиротку к себе, все соседи и знакомые осудили бы её за жестокость. А первую, Мими, она взяла, потому что её подарила ей сама жена президента, что являлось знаком особого расположения, а следовательно, предметом гордости.

Теперь, наконец, перейдём к самоё Мими.

Один, по всей видимости, приворожённый какой-то Мими-подобной собакой, Поэт – то ли Гавбайрон, то ли Гавгарди… А может, это был и сам великий Шекспирявк? Не знаю, я плохо разбираюсь в поэзии, – воспел её породу в следующих виршах:

«Без шерсти рождена,
Лишь голова лохматая.
Для всех звалась она
Китайская хохлатая.»

Хотя тут следует заметить, что Поэт слегка принизил красоту китайско-хохлатой породы, а следовательно, и Мими: не только голова была у неё лохматой, но ещё и хвост, и стройные лапки – начиная с коленок и заканчивая пятками. На остальную же фигуру теодоровой избранницы у природы шерсти не хватило: она была попросту лысой. Подводя итог, скажу так: общий вид у Мими был, если говорить языком прозы, а не поэзии, довольно плешивый и облезлый.

Однако же послушаем ещё немного Поэта:

«И песня на устах,
И в голове признание:
О, будь моей женой!
Любовь моя нежданная…»

Перечитывая эти строки, мой приятель Теодор обычно в сладостном смятении откладывал книгу в сторону и выходил в поле: душа его требовала зрелища звёздного неба и прохладного бриза на разгорячённом лбу. Как вы уже поняли, он был очень чувствителен и романтичен, без промедле-

ния откликался на зов красоты и безоговорочно верил Поэту – знатоку красоты. Поэтому, узрев впервые Мими – ту самую, неземную, небесно-прекрасную китайскую хохлатую, стихи о которой всегда производили на него такое сильное впечатление и появления которой он так долго ждал, – Теодор Шницель сам охотно пошёл грудью на стрелу Амура: он решил в тот же день и час сделать ей предложение.

Ах да, я забыл сказать, что Мими очаровывала не только своей природной красотой. Для создания совершенного образа трудилась и сама мадам де Ла Моль: она подкручивала волосы Мими, стараясь превратить их в прелестные локоны, ярко подкрашивала ей ресницы тушью – чтобы глаза было видно издалека, и щедро румянила щёчки – чтобы подчеркнуть свежесть. Но если к этому добавить обычную лень мадам де Ла Моль, то получалось, что причёску она делала на спутанные и немытые лохмы своей любимицы, заселённые блохами уже в седьмом поколении; ресницы подкрашивала, не обращая внимания на то, что на мордочке красовались остатки позавчерашней каши; а румяна наносила, в упор не замечая ни пыли, ни грязи не только на самих щёчках, но и на всей остальной Мимише (так она её ласково называла).

Вот такая получалась Мими – глаз не оторвать.

Но оторвать глаза, если честно, очень хотелось. Обычно, встречая Мими на улице, прохожие старались оторвать от неё глаза как можно скорее и пройти мимо, не забыв перекреститься. Дети плакали, беременных женщин предупре-

ждали заранее о её появлении, а мужчины, у которых был свой бизнес, считали встречу с ней дурным знаком: либо задержится поставка товаров, либо акции на бирже упадут, либо саранча пожрёт урожай – смотря у кого какой род деятельности.

Но я отвлёкся. Давайте же вернёмся к сути дела.

Итак, предложение.

Теодор Шницель, мопс хоть и благородный, был, однако же, не первой молодости (на момент встречи с Мими ему минуло десять лет), да к тому же весьма жирен. Буженинка, грудинка, маринованные рёбрышки, сардельки и шпикачки, свиная рулька и прочие вкусности сделали своё дело: мистер Шницель обрюзг и растолстел. И, конечно, он прекрасно понимал, что представляет собой не принца из сказки, а скорее его дядюшку-обжору, и что на самом деле надежды жениться на такой изящной собачке, как мадемуазель Мими, весьма призрачны.

Но всё же он был мужествен и решителен (в юности ему довелось проезжать мимо местности, в которой проходило сражение с вражеской армией, – правда, на ручках у своего хозяина и спустя сутки после этого самого сражения, да и, честно говоря, закрыв глаза лапами, – однако этого оказалось предостаточно, чтобы он потом всю жизнь считал себя ветераном боевых действий и вообще псом не робкого десятка). Поэтому, не откладывая дела в долгий ящик, даже не успев поздороваться с Мими, даже не узнав её имени и даже не

представившись сам, а только-только встретив её в первый раз в жизни и поняв молниеносно, что перед ним – китайская хохлатая мечта, он начал опускаться на колено.

Этого сделать, однако, не удалось: суставы были уже не те. Колено толком не гнулось, живот сразу заваливал его куда-то на бок, едва только одна лапа из четырёх переставала поддерживать круглое тельце как надо, а тучный двойной подбородок мешал повернуть голову и разглядеть, что там вообще происходит с лапами и со всем остальным и можно ли как-то исправить ситуацию.

Наконец он сдался и, тяжело сопя, выпрямился. Мими же всё это время с интересом разглядывала странного толстячка-мопса, который шёл-шёл мимо, а потом вдруг резко остановился, вытаращил на неё глаза и начал зачем-то корчиться и извиваться, как будто из него полезли демоны при виде её ангельского лика. В наличии ангельского лика у себя Мими, конечно, не сомневалась – ей это с детства внушала мадам де Ла Моль.

Теодор, ещё не в силах произнести ни слова от одышки, благоговейно протянул к ней лапу, а потом приложил эту лапу к своему неистово бьющемуся сердцу.

– Вы плохо себя чувствуете, мсье? Врача позвать? – приподняв бровь, спросила его мадемуазель Мими.

Теодор покачал головой:

– Мою лапу и сердце! – хрипло проговорил он. – Мою лапу и сердце предлагаю я вам, о прекрасная леди! – Теодор

торжественно поклонился, отчего снова стал заваливаться, но уже вперёд.

Мими своей лапкой придержала его и вернула в правильное положение.

– Замуж, что ли, зовёте? – она сощурилась. – Ну ещё чего! Какой-то проходимец-мопс думает, что… Вы вообще кто такой? А?

Теодор не смутился и быстро сказал:

– Прошу меня простить, о Прекрасная! Моё имя – Теодор Шницель, и я из... – он указал лапой в сторону: там, позолоченное закатным солнцем, высилось величественное родовое поместье его хозяина – Шницель-хаус.

– Из Шницель-хауса! – не дала ему договорить Мими. Глаза её заблестели и нервно забегали. Она поправила причёску изящным движением лапки. – А поля, которые окружают поместье, тоже принадлежат вам? Я имею в виду, принадлежат вашему хозяину?

– Да, все поля принадлежат моему хозяину… и мне. Мне тоже принадлежат. – Этим «мне тоже принадлежат» Теодор хотел сделать акцент на том, что он всё-таки тоже имеет вес в доме.

Мими очаровательно подкрутила локон.

– А вон те леса, которые за полями, тоже принадлежат вашему хозяину? – слегка дрожащим голосом спросила она.

– Да-да, о Прекрасная, и леса тоже принадлежат… мне. – Теодор определился с тактикой.

– И соседняя деревня за лесом тоже принадлежит вашему хозяину? – Мими, обворожительно порхая подкрашенными ресницами, перевела взгляд с дали, в которой скрывалась соседняя деревня, на «милого мопсика», как она решила называть Теодора отныне и впредь.

– Н-нет… Соседняя деревня не моя, но… – Теодор растерялся, однако же быстро нашёлся. – Зато у меня есть особняк в Лондоне. Да, особняк. Преогромный особняк с садом! – Он развёл лапами, показывая, какой особняк с садом имеется у него в Лондоне. – И счёт в банке есть. Тоже преогромный, – быстро добавил он, чтобы окончательно сразить О-Прекрасную.

– А королю вы были представлены? – Теперь уже у Мими охрип голос. Король, королевский двор, богатство и роскошь – это была её мечта. «Вот бы попасть в высший свет и стать, ну, например, фрейлиной королевы!» – думала она. – «И кажется, у меня как раз появился шанс!»

Мими, не моргая, смотрела на свой Шанс.

– Ну конечно же, о прекрасная моя леди! Мы, то есть я, королю не раз был представлен! Я у него во дворце уже совсем свой! – Теодор наконец обрёл уверенность: рыбка, то есть Мими, кажется, клюнула. – Ну, знаете, прихожу без приглашения, когда захочу и на сколько захочу, играем с королём в мяч, бегаем повсюду, обнюхиваем всё вокруг. И он к нам… ко мне, то есть, тоже заходит. Чай попить, косточку… э-э… то есть пирожное погрызть, или...

– Я согласна! – прерывая Теодора Шницеля, громко прозвенели слова китайской хохлатой мадемуазель, и людям, проходившим мимо них по улице, показалось, что где-то прозвенели монетки, которые кинули в металлический лоток на прилавке в магазине. – Я выйду за вас, мой милый мопсик.

II

Вот так мой приятель Шницель и подписал себе приговор. И поверьте мне, друзья мои, и по сей день Теодор (сейчас уже вполне поправившийся от всего произошедшего, если не считать сезонного расстройства пищеварения на фоне испорченных нервов) вспоминает тот золотистый закатный час как самый чёрный в своей жизни. А ведь казалось… Да… Мне искренне жаль Теодора, ведь ему действительно только казалось!

Ну ладно. Пожалуй, я не стану рассказывать в подробностях про те торжественные мгновения, когда мадемуазель Мими де Ла Моль стала леди Шницель. Да и нечего там рассказывать, ведь церемония бракосочетания прошла весьма скромно: без гостей, без свидетелей, без колец и даже без священника! Причём на том же самом месте и через минуту после того, как Мими сказала: «Я выйду за вас, мой милый мопсик!»

Мими торопилась. Она даже не стала заходить домой перед свадьбой, чтобы надеть фату, – не хотела, чтобы её видела хозяйка: та могла не пустить её никуда, а ей так хотелось начать новую сыто-богатую жизнь. Не стоит и упоминать о том, как восторженно прозвучали слова клятвы Теодора заботиться о ней и в горе, и в радости всю жизнь, и как, путая слова, поспешно проговорила свою клятву Мими – кажет-

ся, вместо «и в горе, и в радости» она сказала «и в золоте, и в драгоценностях». И уж, конечно, нечего говорить о том, как Теодор попытался поцеловать свою молодую жену в румяную щёчку, но та брезгливо оттолкнула его и торопливо зашагала в Шницель-хаус одна. Теперь она была там полноправной хозяйкой, и ей не терпелось осмотреть свои новые владения. Теодор же, сопя, поплёлся за ней следом.

Ах… Бедный Теодор! А ведь это было только начало!

В Шницель-хаусе их встретил дворецкий. Точнее, случайно заметил, проходя мимо, – никто ведь не ожидал, что Теодор вдруг так скоропостижно женится и вернётся с прогулки домой раньше, чем обычно, да ещё и с женой. Поэтому вместо торжественных поздравлений новобрачным он, вытаращив глаза и схватившись за сердце, прокричал с лёгкой истерикой в голосе куда-то вглубь дома:

– Мистер Шницель! Сэр! Кажется, Теодор поймал то, что таскало у нас кур из курятника! Идите скорее сюда! Зверь воистину диковинный!

В ответ на его призыв из кухни, которая находилась где-то справа, раздалось звучное: «А что я говорил, Пауэрс? Мини-Шницель ещё покажет всем нам! Вот он и показал!» – а через минуту вышел и сам мистер Шницель. Он дегустировал котлетки, которые жарились по какому-то новому рецепту, и сейчас держал в руках вилку с одной такой котлеткой, наколотой на ней. Не видя ещё диковинного зверя, а только выходя из-за угла, мистер Шницель откусил кусочек.

И вот в этот самый момент, когда он с аппетитом откусил кусочек от сочной, приятно обжигающей и дивно пахнущей котлетки, он увидел Мими. Последующие события словно сорвались с поводка – так быстры и ошеломительны они были.

Мистер Шницель поперхнулся, побагровел, схватился за горло и выпучил глаза, издавая страшные хрипы. Дворецкий Пауэрс, не теряя ни секунды, шагнул к нему и применил спасательный метод (хвала небесам, Пауэрс по первому образованию был врачом-реаниматологом). Схватив хозяина дома сзади и встряхнув с неистовой силой, он избавил его дыхательные пути от злополучного кусочка. От такого телотрясения мистер Шницель взмахнул высоко руками, отчего котлетка, сорвавшись с вилки, грациозно полетела вверх и вперёд, однако была резко остановлена прицельным прыжком Мими, широко открывшей в полёте пасть и схватившей её. Секунда – и вот уже котлетка в желудке у Мими, а она сама, хищно облизывающаяся и довольно улыбающаяся, приземляется прямо перед кухаркой, которая выбежала на звуки страшных хрипов из кухни.

– Силы небесные! – вскричала кухарка и всплеснула руками так, что фартук взлетел. – Чупакабра! Да это ж я её видела той страшной ночью! Мистер Шницель, это она вылезла из нашего дымохода, а потом сползла вниз головой по стене и растворилась в ночи! – Кухарка вопила, показывая на Мимишу пальцем. – Её видела! Её!

Но тут Теодор, который всю жизнь был кроток и ни разу ни на кого не налаял, не выдержал: на его Мими наговаривают, её оскорбляют, её, попросту говоря, втаптывают в грязь!

С глухим рычанием в адрес кухарки он приблизился к Мими и сел подле неё, свирепо гавкнув.

– Теодор говорит, что это его избранница, – перевёл дворецкий Пауэрс. По второму образованию он был лингвистом-переводчиком.

Мопс обвил своей лапой лапу Мими.

– Он говорит, что они поженились, – последовал перевод Пауэрса.

Теодор обвёл лапой комнату и затем ткнул ею в пол перед собой.

– Они будут жить здесь, – сообщил дворецкий и добавил: – Если переводить дословно: «В покоях сих остановиться на житьё с семьёй своей намереваюсь».

Теодор кивнул и, посмотрев своему хозяину, мистеру Шницелю, прямо в глаза, два раза ударил себя кулаком в грудь.

– Мистер Шницель, Теодор решительно заявляет, что он будет драться, если вы ему воспрепятствуете!

Большой Шницель (я имею в виду хозяина Шницель-хауса), сидя в кресле и ещё тяжело дыша, сказал на это:

– Ну что ж, Мини-Шницель, раз уж ты выбрал семейную жизнь, я тебе не стану препятствовать. Живите у нас! Однако я думал, что мы с тобой, старые холостяки, так и про-

живём всю жизнь одни, свободные, как… как котлетки в полёте! Эх… Ничего не поделаешь! Мисс Мэй, поставьте ещё один прибор на пол рядом с миской Мини-Шницеля. Мисс Джун, приготовьте леди Шницель мягкую лежанку, – обратился он затем к горничным, которые боязливо выглядывали из-за угла. Мими и на них произвела впечатление. – И не жалейте перин и подушек! – грозно добавил он. – Хоть она и страшна, как упырь, страдающий лишаём, как геенна огненная, как дополнительный урок геометрии в субботу утром, но она – леди! А значит, достойна всего самого лучшего в этом доме! Ах да, и прежде всего помойте её. Мыла и щёток тоже не жалейте.

Вот так, господа, Мими и заселилась в Шницель-хаус. Что, мистер Миникусь? Да-да, так и сказала: чупакабра! Да, до такой степени… А мне и самому непонятно, но… Но, как говорится, любовь зла!

Ну так вот… Мими, значит, заползла… то есть заселилась в Шницель-хаус.

«Наконец-то заживу, как мне и подобает! – думалось ей. Эта мадемуазель, кстати говоря, обладала не меньшим гонором, чем её хозяйка, и тоже была одним из последних листочков на некогда цветущей ветви аристократического рода китайских хохлатых, привезённых недавно в Европу из Китая. В довесок к этому она, так же как и её хозяйка, была до безобразия ленива и, любя роскошную жизнь, терпеть не могла трудиться.

Что же касается Теодора, то он был просто неописуемо счастлив и не мог налюбоваться на свою жену: мечта его воплотилась, образ из стихов Поэта ожил и радовал взор. Весело сопя, он ходил за ней повсюду, куда бы она ни пошла – в доме или вне его стен, – и ничуть не расстраивался, когда она закатывала глаза, заметив его. Он срывал для неё розы с садовых кустов, не обращая внимания на острые шипы, колющие его пасть, и отдавал самые аппетитные кусочки мяса из своего жаркого, предпочитая не думать о том, что Мими сама так ни разу и не угостила его даже обглоданной косточкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.